

ГОРЯЧЕЕ ЧТИВО

Ю р и й Б у р е в е

An artistic illustration of a woman's back and shoulders. She has dark hair styled in a bun. A black, ornate tattoo is visible on her upper back. A vibrant red cloth is draped over her shoulders and chest. The background is dark with subtle red smoke-like effects.

Запретная страсть

*Искушение, которому
невозможно сопротивляться*

18+

ЭРОТИЧЕСКИЙ РОМАН

Юрий Буреве

Запретная страсть

«Автор»

2026

Буреве Ю.

Запретная страсть / Ю. Буреве — «Автор», 2026

Октябрь. Отрезанный от материка остров. Здание бывшего радиотеатра, которое снесут через месяц, — и архив из 187 коробок магнитных плёнок, который нужно спасти до этого срока. Архивистка Вера приезжает сделать опись и попадает в чужую историю: певица Ада Мирская пропала по пути на остров, а её последняя запись хранится здесь — с пометкой «репетиция, не выдавать». Композитор Лев, запертый в театре неделями, знает про четвёртую студию больше, чем говорит, и запрещает открывать единственную дверь. Но дом не привык к тишине. Рупоры повторяют слова, которые ещё не были сказаны. В коридоре кто-то повторяет шаги — точно до скрипа подошвы. А из-за замурованной после пожара стены слышно чужое дыхание. Чтобы понять, где кончается запись и начинается реальность, Вере придётся довериться человеку, который лжёт даже самому себе. И услышать голос, зовущий её по имени. Мрачный эротический психологический хоррор о памяти, вине и запретной страсти. 18+

© Буреве Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Шум	5
Глава 1. Последний паром	5
Глава 2. Комната с двумя ключами	13
Глава 3. Помехи	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Юрий Буре

Запретная страсть

Часть первая. Шум

Глава 1. Последний паром

Паром мягко ткнулся в причал, и Вера заметила это только по звуку — двигатель замолчал, что-то глухо стукнуло под палубой, а канат заскрипел о мокрый столб.

Она убрала телефон в карман и увидела, что связи нет ещё с середины пролива. Карта острова, загруженная заранее, показывала пристань, две улицы и бывший радиотеатр на севере. Пешком до него было 14 минут, если карта не врала.

Матрос придержал для неё узкую дверь на палубу:

— Осторожно, доска скользкая.

— Спасибо.

Она вышла на берег, поставила чемодан и сразу почувствовала, как холодно. Октябрьский воздух пробирался сквозь мокрый ворот пальто, а под ботинком чавкала размокшая щепка.

У причала пахло канатом, соляркой и яблоками — неожиданно домашним запахом, пока она не увидела ящик возле рыбного склада. Рыжие плоды лежали в листьях, несколько из них подгнили. Над ними висела старая лампочка в проволоочной клетке. Склад был закрыт, но за дверью пахло хлоркой и старой рыбой — кто-то недавно мыл пол.

— Это точно последний рейс? — спросила она матроса.

Он уже выбирал канат:

— На сегодня точно. Утром в семь.

Вера кивнула и записала время в блокнот. Там уже были адрес, телефон заказчика и номер договора. В работе с архивами любая мелочь могла потом стать проблемой.

Паром снова заработал двигателем. Она хотела оглянуться, но в этот момент у выезда с пристани загорелись фары. Свет полоснул ей по глазам. Она зажмурилась и напряглась, но фары быстро ушли в сторону. Из темноты выехала машина с брезентовым верхом и поехала к посёлку.

Вера выдохнула, ругая себя. Её укачало на пароме, а с утра пришлось добираться с пересадками, и поесть она так и не успела.

Дорога начиналась за складом. Узкий асфальт блестел после дождя, по обеим сторонам стояли низкие дома с включёнными телевизорами или лампами. На калитке висела перевёрнутая лейка. За забором кто-то гавкнул и замолчал.

Она шла быстро, перекладывая ручку чемодана из руки в руку. Внутри были одежда, ноутбук, наушники, перчатки, фонарик и набор для работы с магнитной лентой. Основное оборудование ждало её на месте. Если магнитофон не будет работать, за неделю спасти архив не получится.

Здание должны были снести в конце ноября. В договоре это было написано жирным шрифтом. Муниципалитет нанял её опись сделать, проверить состояние плёнок и сделать копии всего, что ещё можно. «Всего» было 187 коробок. На фото полки уходили в темноту, и Вера подозревала, что это старая ведомость, а не реальное содержимое.

Она согласилась, потому что плёнки в таких местах гниют тихо. Сначала коробки стоят в сухой комнате, потом течёт крыша, здание закрывают, и до них годами никому нет дела.

За последним домом дорога поднялась на холм. Между деревьями показался радиотеатр — длинное двухэтажное здание из светлого кирпича. Над входом были металлические буквы: «ОСТРОВНОЙ РАДИОТЕАТР», но одной буквы не хватало. Справа к корпусу примыкала маленькая пристройка с погрузочной дверью. У входа стояла мокрая скамейка, на которую никто не сел бы.

В окне первого этажа горел свет.

Вера остановилась, достала телефон и проверила адрес. Всё совпадало. Она поднялась по четырём ступеням, поставила чемодан у стены и позвонила. Внутри звякнуло.

Дверь открыли не сразу. Сначала щёлкнул замок, потом второй. На пороге стоял мужчина с ключами и карандашом. Ему было немного за сорок. Тёмный свитер, закатанные рукава, на запястье царапина. Усталое лицо человека, который забыл поесть и думал, что ещё не поздно.

— Вера? — спросил он.

— Да. А вы Лев?

— Лев. Проходите. Тут сквозняк.

Он отступил, давая ей место, но не потянулся за чемоданом. Вере это понравилось: она терпеть не могла, когда её вещи брали раньше, чем спрашивали.

В прихожей пахло мокрой штукатуркой, пылью и чем-то тёплым, кухонным. На полу лежал резиновый коврик, в углу стояла оцинкованная бадья с зонтами. Два зонта были сломаны. Третий, большой чёрный, сушился раскрытым прямо в проходе.

— Это ваш? — спросила Вера.

— Нет. Я всё собираюсь его убрать.

Он закрыл дверь и привычным движением проверил ручку. Карандаш всё ещё был у него между пальцами.

— Паром не задержали?

— Вроде нет. Я не посмотрела на часы при отплытии.

— Он в это время часто опаздывает.

Лев сказал это так, будто хотел продолжить, но передумал. Вера расстегнула пальто. Подкладка у ворота прилипла к шее.

— У вас отопление работает?

— Частично. Батареи в архиве тёплые. В коридоре лучше не рассчитывать.

Он повесил её пальто на свободный крючок. Вера позволила: в отличие от чемодана, пальто уже капало на пол.

За прихожей находился вестибюль с кассовым окошком. Стекло в нём сохранилось, и за стеклом лежали выцветшие бланки. На стене висело расписание передач в узких металлических рамках. Вера подошла ближе.

«Театр у микрофона». «Письма с побережья». «Музыка по воскресеньям». «Ночной сеанс», два часа двадцать минут.

— По воскресеньям музыку не любили? — спросила она, коснувшись рамки пальцем.

Лев проследил за её взглядом.

— Почему?

— Она тут на сорок минут. А ночной сеанс почти на два с половиной часа.

— Ночной сеанс был популярнее. Его записывали на материк, потом повторяли в других областях.

— Хорошо. Значит, копии могут быть не только здесь.

Он взглянул на неё внимательнее.

— Вы уже ищите запасной вариант?

— Всегда ищу.

Лев слегка улыбнулся, и его лицо на мгновение стало менее напряжённым.

Из переписки Вера знала, что Лев — композитор. В договоре его должность была указана как «консультант по музыкальным материалам радиотеатра». Он был на острове раньше неё и работал с записью Ады Мирской, певицы, которая пропала несколько недель назад по пути сюда. Поэтому Вера внимательно прочитала договор перед подписанием. Про архивные плёнки было написано подробно, а про запись пропавшей женщины — всего одна строчка в списке приоритетов.

Лев провёл Веру мимо кассы к лестнице. На площадке между этажами стояла пустая пепельница и бумажный стаканчик с высохшим чаем.

— Основные фонды наверху, — сказал он. — Аппаратная внизу. Я сначала покажу вам всё целиком, а потом открою коробки.

— Хорошо. Но перед коробками мне нужны условия: влажность, температура, протечки. И стол, где лента не будет пылиться.

— Стол есть. Была протечка два года назад в дальнем углу. Потом крышу чинили.

— Когда это было «потом»?

Лев посмотрел на неё через плечо.

— Не знаю. Покажу вам угол.

Ответ был честный. Вера достала блокнот.

На втором этаже был длинный коридор от лестницы. По одной стене шли двери студий, по другой — окна во двор. За окнами темнели мокрые ветки, а под ними стоял ржавый фургон без колёс. Линолеум тут был в мелких серых квадратах, возле дверей квадраты сильно вытерлись. Под потолком тянулись провода в металлических коробках.

Лев включил свет у лестницы. Загорелись три лампы, а четвёртая уже горела.

Вера подняла голову:

— Вы её не выключили?

— Похоже.

— Здание же закрыто?

— Сигнализация работает, есть оборудование. Электрик приходит раз в месяц.

Это объясняло, почему тут ещё горел свет. Старые здания часто закрывают, но свет оставляют гореть годами. Вера всё же отметила эту лампу — привычка замечать условия для работы.

Дверь архива была в конце левого коридора. Лев открыл её плечом, задев порог.

Помещение оказалось больше, чем на фото. Три ряда стеллажей тянулись к дальней стене. На полках стояли картонные коробки, жестяные банки с плёнками, пластиковые ящики и папки. Между первым и вторым рядом был стол с зелёной лампой, лупой, катушками и синей чашкой с каплей засохшего кофе. Под потолком светили две длинные лампы: одна работала, другая мигала.

Вера поставила чемодан у стола и пошла вдоль полок.

— Здесь всё по годам?

— Когда-то было. Я старался не менять порядок.

На коробках стояли машинописные номера. На иных — надписи от руки: «восстановить монтаж», «репетиция, не выдавать», «шум моря — чистый». На одной жестяной банке кто-то нарисовал фломастером маленькую лодку.

Вера провела ладонью над крышками, не касаясь их.

— Банки открыть сегодня можно?

— Конечно.

— Только не все подряд. Сначала то, что в плохом состоянии, и то, чего нет в ведомости. Если там ацетат, он сам скажет, когда начнёт разрушаться.

— Запахом уксуса?

— И усадкой. Бывает, открываешь банку, а лента уже деформировалась. Её нельзя сразу пускать через аппарат, даже если очень хочется узнать, что записано.

Лев стоял у двери и слушал. Вере нравилось, когда ей не приходилось доказывать, что осторожность нужна не для красивого отчёта.

Она наклонилась к нижней полке. Возле стены действительно виднелось старое пятно: штукатурка вспухла над плинтусом, а на двух коробках картон пошёл волной.

— Это та протечка?

— Да.

— Сначала снимем их отдельно. И мне нужен термогигрометр.

— У вас свой?

— В чемодане. Но если местный висит где-нибудь, сравним показания.

— Висит. Правда, он старше меня.

Лев подошёл к стене и показал круглый прибор за стеклом. Их плечи почти соприкоснулись. Вера почувствовала запах его свитера — пыль, мыло, чуть-чуть табака, хотя от рук табаком не пахло. Он поднял руку над её плечом и постучал ногтем по стеклу.

— Стрелка застряла? — спросила она.

— Вы мне скажите.

Она повернулась к нему, чтобы отойти от стены, и обнаружила, что свободного места между ними меньше, чем ей казалось. Лев сразу шагнул назад. Без суеты, будто просто освободил проход.

— Скажу, — ответила Вера. — Когда сверю.

Её голос прозвучал ровно. Почему это потребовало усилия, она не стала разбирать.

Лев показал ей деревянный шкаф с журналами дежурств. Они лежали стопками, перетянутые хлопчатобумажной тесьмой. На верхней обложке значилось: «Ночная смена. Входящие линии. Октябрь». Год выцвел.

— Кто заполнял?

— Дежурные звукооператоры. Иногда режиссёры. Там время начала записи, номер студии, замечания по аппаратуре.

— Отлично.

Вера развязала тесьму и открыла книгу. Там было что-то про помехи в эфире. Ниже говорилось, что запись можно прослушать снова, без помех. В графе подписи стояли инициалы, которые было невозможно разобрать.

— Эти подписи тоже нужно сканировать, — сказала Вера.

— В договоре же только про носители, — возразил Лев.

— Там написано про «сопроводительную документацию». Это она и есть. Иначе кто-нибудь через год найдёт файл «Дорожка 18» и не поймёт, зачем мы тут торчим.

— Вы всегда помните все формулировки из договора?

— Пока заказчик не забудет, что там написано.

— Понятно. — Лев закрыл шкаф, который она оставила приоткрытым. — Вам понравится в соседней комнате.

Соседняя комната была бывшей аппаратной. За длинным столом с потёртой кромкой стояла панель с сотнями клавиш и подписей: «Студия 1», «Студия 2», «Эфир», «Запись», «Контроль», «Резерв». Кабели висели аккуратными кольцами. В одном гнезде был штекер с красной ручкой.

Над переключателями светились две зелёные лампочки.

— Это что, питание? — спросила Вера.

Лев задумался.

— Кажется, да.

— «Кажется»?

— Я не эксперт. Я знаю, когда что-то сломалось. Откуда у него ток — это к электрику.

Вера наклонилась ближе. Пластик вокруг лампочек был чистым, без пыли. Видимо, Лев тут убирался. На столе лежали его записи: ноты, пометки карандашом, номера дублей. Один лист был смят и аккуратно расправлен.

— Здесь вы работаете с Мирской? — спросила Вера.

Лев посмотрел на ноты.

— Иногда. Саму запись слушаю в другой комнате. Здесь удобнее сверять партии.

— Что с плёнкой?

— Она повреждена. И в конце есть несколько секунд, которые нужно разобрать.

— Речь?

— Возможно.

— Я могу потом послушать на хорошем оборудовании.

— Если решите, что это безопасно для носителя.

Лев ответил аккуратно. Вера кивнула, согласившись.

На верхнем листе нот она увидела имя: «А. Мирская». Несколько тактов были зачёркнуты так сильно, что карандаш проткнул бумагу. Лев положил сверху чистую ведомость.

Вера отвела глаза. Ей не хотелось спрашивать о пропавшей женщине у человека, который явно ждал любого упоминания о ней. Но в голове появилась неприятная мысль: певица ехала на остров, не вернулась; её последняя запись лежала здесь, где половина ламп светила, несмотря на закрытые двери.

— Вы с ней работали над этой записью? — спросила Вера.

Лев сцепил ключи в ладони.

— Я написал музыку.

Он не добавил ничего. Через несколько секунд Вера сказала:

— Мне понадобится исходная коробка, не только копия.

— Да.

Они вышли в коридор. Внизу что-то щёлкнуло, за окном ветка стукнула по стеклу.

Лев шёл рядом, подстраиваясь под её шаг. Вера заметила, как по-разному звучат их подошвы на линолеуме: её — жёстче, его — мягче. Она всегда обращала внимание на звуки вокруг. Сейчас ей хотелось понять, как он ходит, когда не показывает здание гостям.

На дверях студий были латунные цифры. Первая была приоткрыта. Лев показал ей помещение с двумя микрофонными стойками, пыльным пианино и ширмой. За ней, наверное, когда-то готовили реквизит для радиоспектаклей. Вторая пахла деревом, стены были обшиты потемневшими рейками. В третьей лежали сложенные стулья и картонные декорации: дверь, окно, нарисованный очаг.

У четвёртой двери Лев остановился. Цифра на ней была такая же, как на остальных, но держалась на одном винте и немного съехала. Под дверью была тонкая тёмная щель, а ручка была медная, с протёртым пятном.

Вера посмотрела на Льва.

— Здесь что?

— Студия.

— Я уже видела.

— Там смотреть нечего.

— Если там есть носители, мне нужно их учесть.

— Носителей нет.

Он произнёс это быстро, оглянулся на лестницу и, будто рассердившись на себя, добавил:

— Я проверял.

— Когда?

Лев посмотрел на ключи.

— Недавно. Вера, не открывайте эту дверь без меня.

Она могла спросить почему, но в его лице было не желание командовать, а скорее тревога.

— Можно с вами? — спросила она.

— Пока нет.

Он выбрал ключ, вставил в замок и повернул. Дверь тихо щёлкнула. Лев проверил, что она заперта, и убрал ключи в карман.

От его жеста Вере стало холодно, хотя в коридоре было не так уж и холодно.

— Это из-за проводки? — спросила она.

— Нет.

— Из-за конструкции? Плесени? Скажите что-нибудь для журнала по технике безопасности.

Лев потёр переносицу.

— Напишите, что помещение закрыто ответственным сотрудником до проверки. Это правда.

— А если мне нужна будет причина?

— Я её придумая.

Он посмотрел ей прямо в глаза. Серые глаза, красные от долгого сидения за компом; возле виска след от наушников — похоже, он носил их несколько часов. Вера не увидела в нём уверенности человека, который что-то скрывает. Он сам боялся своего ответа.

— Ладно, — сказала она. — Пока не открою. Но в итоге эта дверь будет в списке.

— Я и не прошу.

Они стояли слишком близко друг к другу. Лев у двери, Вера напротив, меньше шага между ними. В конце коридора моргнула лампа, и на его лице сместились тени, как будто он собирался сказать что-то другое.

Вера первая отошла к окну.

— Вы ужинали? — спросил Лев.

Вопрос был такой нелепый, что она усмехнулась.

— Только пачку крекеров в автобусе.

— Это не ужин.

— Знаю.

— Внизу есть чайник. И хлеб. Сыр, если соседский холодильник ещё работает.

— Угощаете всех или только тех, кто не заходит в четвёртую студию?

— Сегодня только вы.

Он сказал это без улыбки, и фраза прозвучала интимнее, чем следовало. Вера почувствовала, как краснеет, и отвернулась к окну. Их отражения были видны в стекле: её светлое лицо на чёрном фоне двора, его фигура сзади. Он не подошёл ближе.

— Сначала посмотрим рабочее место, — сказала она. — Потом чай. Я хочу понять, что с магнитофоном, пока не вырубилась от усталости.

— Договорились.

На первом этаже оказалось узкое помещение без окон. В центре стоял пульт с потёртыми ползунками. С одной стороны стеллажи с катушечными магнитофонами, с другой — два современных монитора, ноутбук Льва и настольная лампа. В углу работал осушитель, тихо гудя и наполняя пластиковый бак водой.

Вера помыла руки в туалете, вытерла и вернулась к аппарату. У одного магнитофона прижимной ролик был в порядке, у другого резина потрескалась.

— Второй не используем, — сказала она.

Лев заглянул ей через плечо.

— Он воспроизводит.

— Воспроизводит, но ленту царапает. Ролик надо менять. Пока хватит первого, если головки в норме. У вас есть чистящие палочки?

— В нижнем ящике. И спирт тоже.

— Хорошо. Завтра проверим на технической плёнке. Исходники пока не трогаем.

Она включила фонарик и осмотрела аппарат. Работать с чужим оборудованием вечером ей не нравилось, особенно когда хотелось поскорее что-то услышать. Лучше уехать утром без новых проблем, чем с испорченным оригиналом.

Лев присел на корточки рядом и придержал фонарик, пока она проверяла направляющие. Его рука была близко, но не касалась её. Вера почти физически чувствовала этот зазор. Отодвинулась бы, если бы мешал; но он не мешал.

— Можно? — спросил Лев. — Хочу показать участок записи на копии. Не всю запись, а только часть.

Вера посмотрела на часы. Без четверти десять.

— Пять минут.

Лев сел за комп, а Вера осталась рядом. На экране звуковая дорожка: голос и музыка, потом тишина, где волна почти сливается с центральной линией.

Лев говорит: "Это последние секунды, голос закончился. По документам после песни ничего нет."

— А на плёнке?

— Послушайте.

Он предложил ей наушники, она поправила оголовье, Лев убавил громкость. Из наушников — лёгкий шорох, короткий металлический звук, дыхание или движение воздуха, потом тишина.

— Повторите, — просит Вера.

На втором прослушивании ей кажется, что в тишине два звука: щелчок и трение.

— Не слышу речи. Пока.

— Как делали копию? — спрашивает Вера.

— До моего приезда. У меня только файл и плёнка.

— Надо сравнить. Копия могла получить шумы на любой стадии. Покажи техпаспорт записи, если что.

— Найдём.

Лев берёт наушники, их пальцы на секунду соприкасаются. Вера не отдёргивает руку, и Лев тоже держит свою. Потом он кладёт наушники на пульт.

— Слышали её живьём? — спрашивает Лев.

— Нет, только записи.

— Живьём она пела тише.

— Жаль, что она пропала, — говорит Вера.

Лев проводит пальцем по царапине на запястье: "Да."

Осушитель шумит громче, набирая новый цикл. Вера смотрит на дорожку на мониторе: несколько секунд чужой тишины.

— Завтра с утра начнём с архива, — говорит она. — С плёнкой Мирской займёмся после проверки аппарата.

— Хорошо.

Выходят в коридор. Лев выключает свет и запирает дверь. Внизу лампы горят ровно, наверху одна светит сквозь перила. Вера останавливается у подножия, проверяя, оставила ли блокнот в архиве.

— Я поднимусь за вещами, — говорит она. — Мне чемодан и пальто.

— Чемодан в архиве, пальто у входа. Я закрою боковую дверь и подожду вас внизу.

— Не надо ждать, найду дорогу.

— Главный замок заедает, если тянуть дверь на себя.

Лев показывает, как придержать язычок и толкнуть. Вера повторяет, Лев кивает.

— И чай? — спрашивает он.

Она смотрит на него. Он, наверное, хочет, чтобы она осталась, или просто не хочет отправлять голодного человека на мороз? Она пока не понимает, в чём разница.

— Если он не отменит закрытие боковой двери.

— Не отменит.

— Тогда чай.

Лев пошёл направо, к служебной лестнице и двери во двор, проверить замки. Вера поднялась на второй этаж и пошла налево, к архиву. Через пару шагов она услышала, как у другого конца коридора его ключи звякнули. Потом тихо хлопнула дверь. Его шаги стихли за углом.

Она осталась одна. Шаги её ботинок чётко отстукивали по серому линолеуму: шаг, пауза, шаг. Она обходила вздувшийся у стены кусок покрытия. Коридор был пустой, в окнах дрожали лампы.

На полпути она остановилась.

Сзади раздался шаг.

Она обернулась. Между ней и лестницей никого не было. Звук мог идти от Льва вниз — он легко поднимался по шахте и возвращался эхом. В старых зданиях такое часто бывает. Вера знала об этом звуке и не пугалась каждого эха.

Она пошла дальше, прислушиваясь. Её каблук коснулся края линолеума. Она сделала шаг, потом второй.

Сзади кто-то тоже сделал два шага.

Вера замедлилась, поправила впившиеся стринги в промежность. Звук сзади тоже замедлился, но не сразу. Между её шагом и эхом было ровно три удара сердца.

Она остановилась у двери третьей студии.

Сердце пропустило удар, потом ещё один.

За её спиной прозвучали два последних шага. Её шаги, повторенные точно, вплоть до скрипа левой подошвы.

Вера не двинулась с места.

В конце коридора, у запертой четвёртой студии, тихо повернулась дверная ручка.

Глава 2. Комната с двумя ключами

Ручка в четвёртой студии дёрнулась и вернулась на место.

Вера стояла у двери в третью студию, прижимая к боку блокнот. Архив за её спиной пах пылью и железом. В коридоре было пусто. На потолке дрожал свет от лампы из аппаратной.

Она подождала, но дверь в четвёртую студию не открылась.

— Лев? — позвала она.

Тишина. Снизу кто-то хлопнул дверью, потом быстро зашагал по лестнице. Вера успела отойти от третьей студии, когда Лев появился на площадке. Он остановился и посмотрел сначала на неё, потом в конец коридора.

— Ты чего звала?

— Думала, ты уже вернулся.

— Боковая дверь разбухла, пришлось её поддеть.

Лев показал ей короткий металлический стержень.

— Здесь кто-то есть? — спросила Вера.

— Кроме нас? Не должен, — ответил он.

Она показала на четвёртую студию.

— Ручка там повернулась.

Лев подошёл к двери, взялся за ручку, нажал. Замок щёлкнул, но дверь не открылась.

— Закрыто, — сказал он.

— Я видела, как она сама повернулась.

Лев снова нажал на ручку, дверь тихо скрипнула и открылась.

— За стеной вытяжной короб, когда включается вентилятор, что-то может шататься.

— Вентилятор ручку поворачивает?

— Не знаю, что её повернуло.

Лев посмотрел на неё прямо, и этот ответ был убедительнее.

— А шаги он тоже повторяет? — спросила Вера.

— Какие шаги?

— Мои. Я остановилась, а кто-то прошёл за мной. Столько же шагов, сколько и я.

Лев перевёл взгляд на коридор. Под ковровой дорожкой скрипнула доска, он переступил с ноги на ногу.

— Тут два пустых помещения за стеной и лестничный пролёт. Звук возвращается не сразу, такое бывает на записи. Ты лучше меня знаешь.

— На записи можно проверить задержку.

— Давай проверим здесь.

Лев молча прошёл к лестнице, считая шаги. Вера слушала, как он идёт. Слышно было, как его подошва задевает ворс, доска скрипит. Потом, когда он уже остановился, из глубины коридора донёсся лёгкий стук.

— Слышишь? — спросил он.

— Один. А у меня все повторились.

Лев кивнул, будто заметил разницу.

— Заберём вещи, уже поздно.

Когда они вернулись в архив, там было тихо. Верин чемодан стоял между стеллажами, мокрый снизу: она оставила его у батареи, которая не грела. Блокнот всё это время был у неё в руке, и она заметила это, только когда потянулась за ним на стол.

Лев поднял чемодан.

— Тяжёлый. Что там?

— В основном то, без чего можно было обойтись.

— Значит, правильно собран.

Она улыбнулась, но пальцы всё ещё крепко держали край блокнота. На полках стояли картонные коробки с выцветшими надписями. Вечером Вера успела осмотреть только часть архива, и теперь ей хотелось остаться, открыть любую коробку и заняться привычной работой: найти начало ленты, проверить запись и записать дефект. У вещей был чёткий порядок. Даже испорченная плёнка обычно объясняла, почему звучит так, а не иначе.

— Копию записи Ады ты оставишь в аппаратной? — спросила она.

— До утра. Оригинал я убрал.

— Хорошо.

Лев не уточнил куда. Спрашивать о четвёртой студии после коридора снова ей не хотелось.

Внизу он поставил чемодан возле стола и включил чайник. Маленькая кухня за аппаратной когда-то была местом, где между сменами пили кофе: у стены была узкая откидная полка, над раковиной висело зеркало с потемневшими краями. Пахло сырым полотенцем, нагретой пылью и лимоном. На блюде лежали два ломтика, подсохшие по краям.

— Ты обещал чай, — напомнила Вера.

— Я помню.

— У тебя вид, будто я потребовала отчёт.

— Ты смотришь как человек, которому я должен отчёт.

Лев нашёл две чашки. У одной ручка была приклеена неровно, с прозрачным наплывом на стыке. Вера взяла её себе. Чай оказался крепким и немного горьким. Пока они пили, пару раз щёлкнул металл: здание остывало или работала вентиляция. Вера заставила себя не поднимать голову.

— Ты правда думаешь, что Ада здесь? — спросила она.

Лев поставил чашку на полку, просматривая на выпирающие соски через платье Веры, и засунув руки в карман, чтобы нащупать свой член и сдавливая головку.

— Я знаю, что она собиралась приехать.

— Говорил, она звонила.

— Да, в тот день, когда исчезла, с материка.

Вера вспомнила последние секунды записи. Голос Ады уже закончился, остался только шум: вода, шорох ткани и плохой контакт. За одну прослушку она успела придумать три разных источника для этого шума.

— На пароме её никто не видел?

— Никто из тех, с кем я говорил, не помнит.

Он сказал это спокойно. Вера посмотрела в чай. Оказалось, что фраза была устроена так, чтобы возвращаться к ней самой.

— Завтра послушаем на других колонках, — предложила она.

— Завтра.

Они выключили свет в аппаратной. Индикаторы старого пульта ещё на секунду стали ярче в темноте. У входа пальто Веры висело на деревянном крючке, с одного плеча свисала мокрая подкладка. Она засунула руки в рукава и почувствовала холодную тяжесть ткани. Лев застегнул куртку до горла, взял чемодан и открыл дверь плечом.

Снаружи дождь уже кончился. В переулке пахло мокрой листвой, мазутом и дымом из трубы. Под фонарём блестели камни, между которыми стояла вода. Радиотеатр за их спинами выглядел обычным старым зданием: тёмные окна второго этажа, облупленная афиша в витрине, ржавый крючок на створке двери. Вера обернулась, когда они отошли на несколько шагов. Свет в окне аппаратной больше не горел.

— Ты давно здесь? — спросила она.

— На острове? Несколько дней.

— И всё это время живёшь в гостинице?

— Где же ещё?

Дорога шла между низкими домами. На одном крыльце стоял таз с дождевой водой, на другом сохли резиновые сапоги. Из-за забора донёсся одинокий лай собаки, которая быстро замолчала. Лев нёс чемодан, меняя руку на поворотах. Вера предложила помочь, но он отказался, и она не стала настаивать.

Гостиница была двухэтажным домом с высоким крыльцом и узкими окнами. Над дверью висела вывеска, которую почти не было видно в темноте. В прихожей было тепло и пахло утюгом и варёной свёклой, как после ужина. Где-то гудела труба.

За стойкой никого не было. На ней лежали тетрадь, очки и клубок ниток. Лев позвонил в колокольчик, звук был тонкий и надломленный.

Из боковой комнаты вышла женщина в вязаном жилете и белой блузке. Она несла наволочку и поправила занавеску на дверях. У неё были красные руки с коротко обрезанными ногтями и полоска от резинки на запястье. Увидев Льва, она остановилась.

— А я думала, вы уже в своём театре ночуете.

— Сегодня нет.

— И правильно. Там к вечеру отопление вообще никакое.

— И гарь там не выветрится, что ни суши, — добавила она так же буднично, как про отопление. — После пожара так и повелось: то ли краска помнит, то ли стены.

Лев не переспросил. Вера тоже.

Она положила наволочку под стойку и посмотрела на Веру. Спрашивала, промокла ли она, нужна ли сушилка.

— Комната нужна? Вы с дороги?

— Да.

— Тогда ваш паспорт, пожалуйста. Пальто можете на батарею повесить, только подстелите полотенце, краска от воды отходит.

Пока Вера доставала паспорт, хозяйка нашла свободную строку в тетради и наклонилась к лампе. Очки она не надела, просто подвинула тетрадь ближе. На странице был отпечаток стакана. Остальные записи были закрыты её ладонью.

— Два соседних номера. Вам третий, Льву четвёртый. Там потише.

— У меня была другая комната.

— В той под окном дует. Я перенесла ваши вещи.

Лев посмотрел на неё и на лестницу.

— Ладно.

— Давно вы вдвоём не приезжали. Даже не вспомню, когда такое было.

Она сказала это буднично, распутывая ключи. Но Вера всё равно подняла голову.

— Мы приехали по отдельности. Лев был здесь раньше.

— Правда? — Анна Петровна взглянула на Льва. — Вот что значит работать без людей, всё у меня путается.

Она взяла ключ с крючка за спиной. На бирке была выжжена цифра 3. Вера подумала о своей запертой студии и немного разозлилась на себя.

— Чайник на площадке. Только не оставляйте включённым. И дверь внизу придержите утром, она хлопает на весь дом.

Лев взял ключи и передал один Вере. Их пальцы на мгновение соприкоснулись. У него были холодные руки.

На лестнице скрипела только одна ступень. Лев перешагнул через неё. Вера наступила и услышала протяжный звук, как будто кто-то провёл смычком по плохой струне. Она оглянулась и увидела, что хозяйка уже вернулась в комнату, а за занавеской звякала посуда.

На втором этаже коридор был оклеен светлыми обоями с мелким рисунком. У нескольких дверей рисунок не совпадал, и полосы листьев упирались в пустое место. В конце горела лампа, а из вентиляционной решётки шёл тёплый воздух, шевеля уголок объявления.

— Она часто путает постояльцев? — спросила Вера.

Лев поставил чемодан перед третьим номером.

— Не знаю. Я здесь всего несколько дней.

— Ты заметил, что она сказала «вместе»?

— Заметил.

— И тебе это не кажется странным?

— Кажется. Но она тут одна со всем домом, а гостей почти нет. Могла просто сказать не подумав.

Вера достала ключ, повертела его в пальцах.

— На пароме рядом со мной кто-то сидел.

— Наверное.

— Я помню мокрое сиденье, сетку для сумок над окном и как мужчина в проходе всё время поправлял пакет. А кто сидел рядом — нет. Хотя мы доехали до острова вместе. Час с лишним.

— Я на пароме не был, — сказал Лев.

— Знаю.

Вера хотела сказать, что вообще не думала о нём, но это было бы слишком резко. Поэтому она просто начала возиться с замком. Ключ повернулся с хрустом.

Комната оказалась маленькой: кровать, шкаф, стол у окна. На подоконнике стояли два потемневших яблока, занавески пахли крахмалом. Батарея грела сухо, а у двери всё ещё пахло холодной штукатуркой. На стене над кроватью висела картина с причалом, стекло под ней было мутным, как будто кто-то протёр его мокрой тряпкой и забыл вытереть.

Лев занёс чемодан и поставил его у шкафа.

— Если захочешь позвонить, телефон внизу. Здесь связь плохая.

— Поняла.

Он не уходил. В зеркале над столом Вера видела его отражение: тёмная куртка, уставшее лицо, волосы, примятые после ветра.

— Про студию, — начал он.

Она повернула голову.

— Не нужно сейчас объяснять, если не хочешь.

— Просто, если снова услышишь что-то в коридоре, постучись ко мне. Комната рядом.

— Я не собираюсь будить тебя из-за каждого скрипа.

— Тогда хотя бы из-за каждого второго.

В комнате было слишком тихо. Настолько, что Вера слышала, как под платьем ходит её собственное дыхание и как оно смешивается с его. Лев стоял у окна, расстегнув верхнюю пуговицу, и смотрел на неё так, будто расстояние между ними уже кто-то убрал, а слов не оставил.

Стена за спиной была тонкой. За ней спала гостиница — если спала. Вера впервые поняла, что значит скрипучий дом: каждое движение здесь слышно всем и никому.

Она сделала шаг первой.

Или это он шагнул навстречу — Вера потом не смогла вспомнить. Просто вдруг оказалось, что они стоят слишком близко, что его рука лежит у неё на талии, а её пальцы касаются его груди через тонкую ткань. Ткань была горячей от его тела. Или ей так казалось.

— Вера, — тихо сказал он. Почти не звук — выдох с формой имени.

Она подняла лицо. Поцелуй начался коротким касанием — не утверждение, вопрос. Лев ответил сразу, и поцелуй стал глубже. Его ладонь медленно скользнула по её спине, вниз, к изгибу поясницы, и дыхание перехватило — не от жадности, от точности.

Она сама не заметила, когда расстегнула ему рубашку. Пальцы легли на кожу — тёплую, живую, с быстрым сильным сердцем под ней. Провели по плечам, по груди. Лев тихо выдохнул и прижал её к себе сильнее. Его губы прошли по шее, по ключице; руки нашли молнию на платье. Ткань соскользнула с плеч — и Вера услышала этот звук громче, чем нужно. Дом был слишком тихий.

— Можно? — хрипло спросил он, задержавшись у края её белья.

— Да, — ответила Вера, и собственный голос показался ей чужим.

Он коснулся её через тонкий шёлк, потом без ткани — осторожно, будто боялся спугнуть. Вера выгнулась навстречу, запустила пальцы в его волосы. Он был весь горячий: плечи, спина, живот. Она запомнила эту теплоту — раньше, чем узнала, что запоминает.

Когда её рука скользнула ниже, к поясу, Лев глухо застонал и на секунду замер, уткнувшись лбом ей в плечо. Вера почувствовала этот стон не ушами — грудной клеткой, через прижатые тела.

— Ты уверена? — спросил он.

Вместо ответа она поцеловала его снова.

Они опустились на край дивана. Вера уже плохо различала, где кончается ткань и начинается кожа. Его ладонь легла ей на бедро, поднялась выше, пальцы скользнули между ног, и Вера вздрогнула, вцепилась в его плечо. Лев замер, глядя ей в лицо — внимательно, без торжества.

— Не останавливаясь, — прошептала она одними губами, без звука. Стена.

Он продолжил — медленно, чутко, ловя каждое её движение. Воздух в комнате стал тяжёлым. Поцелуи сделались жаднее, руки — смелее. Под её пальцами он дрожал — сдержанно, всей кожей сразу.

Лев наклонился, уложил её на подушки. Последняя ткань ушла куда-то — Вера не заметила как. Он придвинулся ближе, и она ощутила горячее давление там, где всё тело уже тянулось навстречу. Он замер, глядя ей в глаза, ища последнее подтверждение.

— Да? — выдохнул он.

Вера кивнула.

Лев начал медленно поддаваться вперёд, и она почувствовала самое начало — лёгкое, тугое, горячее. Сердце ударило где-то в горле. И мысли, до этого тонувшие в желании, всплыли разом: слишком быстро, слишком много, не сейчас.

— Стой, — выдохнула она и упёрлась ладонями ему в грудь.

Толчок вышел резким — она сама не ожидала. Лев отстранился мгновенно. Не попытался продолжить, не надавил, не потянул обратно. Просто замер, тяжело дыша, и убрал руки.

— Всё. Я остановился, — сказал он и отодвинулся ещё на шаг. — Ты в порядке?

Вера села, прижимая к груди скомканное одеяло. Щёки горели. Она смотрела на него — растрёпанного, напряжённого, с этим внимательным взглядом, в котором не было ни обиды, ни давления.

— Да, — сказала она наконец. — Просто... не сейчас.

Лев кивнул. Взял со спинки дивана свою рубашку и накинул ей на плечи — грубую снаружи, ещё тёплую изнутри.

— Хорошо, — тихо ответил он. — Как скажешь.

Ступень за стеной скрипнула — один раз, сама собой. Оба замерли и посмотрели на дверь. Дом был пуст. Дом всегда был пуст.

И в тишине между ними осталось что-то ещё — неудовлетворённое, горячее, но не опасное. Потому что он остановился. Потому что она смогла сказать «нет». И потому что они всё ещё смотрели друг на друга так, будто всё только начиналось.

Вера усмехнулась, он тоже коротко улыбнулся. Потом он вышел и закрыл дверь, и по ходу движения заправляя свой торчащий как ствол член в штаны, пытаясь успокоить пыл подрочив несколько раз, и уже не мог остановиться. За стеной щёлкнул ключ. Она услышала, как он прошёл несколько шагов и только потом закрыл свою дверь.

В это время Лев упёрся спиной на холодную стену коридора и неистово мастурбировал себя, представляя Веру, но она всё время снова то исчезала, то появлялась в сознании.

Закончив, он обтёр руками свой член и исчез в тёмном коридоре почти бесшумными шагами.

Она положила на стол блокнот и карандаш. На первой странице были заметки про аппаратуру: номера катушек, состояние лент, скорость записи. Внизу она написала: «низкий шум, короткий высокий звук, проверить на наушниках». Потом зачеркнула «высокий» — при одном прослушивании нельзя быть уверенным.

Умывальник был за ширмой в углу. Из крана сначала выходил воздух, потом пошла тёплая вода с запахом железа. Вера умылась, переоделась и повесила пальто на батарею. На полотенце медленно расползлось тёмное пятно. Она проверила паспорт в сумке, хотя точно знала, что хозяйка вернула его. Потом легла.

Коридор не был совсем тихим: внизу что-то стукнуло, кто-то прошёл по скрипучей лестнице, по трубам пробежало тепло, за стеной что-то щёлкнуло. Вера думала, что услышит, как Лев ложится, но было тихо.

Она почти задремала, когда вдруг зазвучала музыка.

Сначала это были тихие звуки, похожие на работу труб. Потом она поняла, что это мелодия: четыре ноты вниз, пауза, две вверх, ещё пауза. Мелодия была простая и как будто незаконченная, она останавливалась там, где хотелось услышать продолжение.

Звучало это как клавиши, но не пианино. Может, Лев включил маленький синтезатор. Вера вспомнила аппаратную, сумки у пульта, но тогда не придавала этому значения.

Мелодия повторилась, Лев играл её медленнее, чуть задерживая вторую ноту. После последней ноты снова тишина. Вера повернулась на бок. Через стену скрипнул стул — значит, он действительно сидел там. Она почувствовала себя спокойнее, но музыка всё равно мешала спать.

На третий раз она уже знала, где ждать обрыва, и после него снова наступила тишина, напряжённая и ожидающая. Вера накрыла голову одеялом, но щелчки клавиш всё равно были слышны.

Лев снова начал играть.

Она посмотрела на часы: двадцать минут первого. Можно было постучать. Завтра они собирались работать, и она имела право попросить тишины. Она села на кровати, надела носки. Пол был холодный.

В коридоре пахло пылью и чем-то сладким с нижнего этажа. Лампа над лестницей горела, остальные светильники были выключены. Под четвёртой дверью виднелась полоска света.

Вера подняла руку и постучала до того, как Лев сыграл две последние ноты.

Музыка остановилась. Внутри что-то тихо передвинули. Лев открыл дверь не сразу.

Он был босиком, в тёмных штанах и расстёгнутой рубашке. Волосы были сухими и расчёпанными. Свет падал от настольной лампы за его спиной. Вера увидела кровать с откиннутым покрывалом и раскрытый чемодан на полу. Остальная комната терялась в темноте.

— Прости, — сказала Вера. — Слышно через стену.

Лев посмотрел на неё и потом на свою комнату.

— Сильно?

— Достаточно, чтобы выучить.

— Я не знал, что стены такие тонкие.

— Они и правда тонкие.

Он оперся плечом о косяк. Вера стояла рядом; в узком коридоре между ними было всего шаг. От него пахло мылом и холодом, который остался в волосах после улицы.

— Ты всегда обрываешь её на полуслове, — сказала Вера.

Лев отвел взгляд.

— Да.

— Почему?

Снизу щёлкнул выключатель. Свет на лестнице не изменился, но коридор вдруг стал тише.

— Не могу закончить, — ответил он.

— Ты же композитор.

— Это не помогает.

Вера хотела сказать, что последний звук уже слышен, нужно просто подождать. Она уже представляла его в голове. Но Лев выглядел таким уставшим, что замечание показалось лишним.

— Мне нужно поспать, — сказала она мягко. — Завтра рано за плёнками.

— Хорошо. Больше не буду.

Она кивнула, но не двинулась. Он тоже. Его рука была на двери, и Вера видела старый шрам у основания большого пальца. Ей достаточно было протянуть руку, чтобы коснуться его, но она не стала. Вместо этого она уцепилась за свой локоть.

— Я тебя напугал там, в коридоре? — спросил Лев.

— Ты не поворачивал ручку.

— Я про своё поведение. С замком.

— Ты не дал мне войти в чужую студию. Бывает.

— Вера.

Она посмотрела на него. Он произнёс её имя, будто хотел что-то спросить, но передумал. Из коридора за их спинами донеслась нота.

Негромкая. Женский голос взял её чисто и подержал. Именно там, где Лев всегда обрывал мелодию. Нота замолчала раньше, чем Вера поняла, высокая она или низкая: осталось только ощущение завершенности.

Лев выпрямился. Вера обернулась.

Коридор был пуст. Всё было видно до самой лестницы: двери, уголок объявления, блестящая полоска на паркете. У дальнего окна висела забытая вешалка. Никого.

— Ты слышала? — спросил Лев.

— Да.

Они пошли к лестнице. Вера шла первой, шаги Льва почти не были слышны. Она остановилась под вентиляционной решеткой. Тёплый воздух дул ровно, внутри подрагивал металлический лист.

— Может, снизу, — сказала она.

— Слышалось здесь.

— В таких лестничных клетках сложно понять, откуда идёт звук.

Она произнесла это уверенно, но её голос прозвучал неуверенно в пустом коридоре.

Лев перегнулся через перила и крикнул:

— Анна Петровна?

Никто не ответил. За занавеской у стойки горел свет. Они спустились до середины лестницы, и запах свёклы и утюга стал слабее. Анна Петровна, застёгивая жилет, вышла из боковой комнаты с полотенцем в руке.

— Что случилось? — спросила она.

— Мы услышали голос, — ответила Вера.

Анна Петровна нахмурилась, как будто ей не нравилось, что гости ходят босиком по холодному полу.

— Я? Нет, просто воду на кухне перекрывала. Мешала?

— Голос был в коридоре, — сказал Лев.

Все трое помолчали. За стеной булькнула труба.

— У вас в номере есть радио? — спросила Анна Петровна.

— Не видела, — ответила Вера.

— Тогда моё на кухне. Я его, кажется, выключила.

— Что значит «кажется»? — поинтересовался Лев.

— Пойду проверю.

Анна Петровна скрылась за занавеской. Вера услышала, как она поставила полотенце на стол, что-то сдвинула и щёлкнула выключателем. Хозяйка вернулась почти сразу:

— Выключен. Но слышно соседей через стену, особенно если окно открыто.

— Соседи? — спросила Вера.

— За двором дом. Окна закрыты, конечно. Ложитесь. По ночам звуки дальше разносятся.

Анна Петровна сказала это без особого энтузиазма, как будто её разбудили среди ночи из-за ерунды. Она поправила прядь из косы и посмотрела на ноги Льва:

— Наденьте тапочки, пол ледяной.

Лев поблагодарил её. Они поднялись наверх.

— Ты узнала голос? — спросил Лев.

Вера вспомнила Аду. В аппаратной она слышала запись, и теперь в её памяти соединились два женских звука: один — слова и помехи, другой — одна нота.

— Нет, за секунду даже знакомого человека не узнаю, если он просто звук напел, — сказала она.

— Хочешь, чтобы она повторила?

— Нет.

Лев поднял тапочки у порога четвёртого номера, которые Вера раньше не заметила.

— Голос мог донестись снизу через вентиляцию или из двора, — сказала Вера. — Не обязательно было петь здесь.

— Да.

Они посмотрели вдоль коридора. Объявление под решёткой больше не шевелилось.

— Спокойной ночи, — сказал Лев.

— И тебе, только без музыки, пожалуйста.

— Без музыки.

В своей комнате Вера первым делом посмотрела в окно. Оно выходило во двор, тёмный и тесный. Напротив, стоял другой дом, окна в котором не светились. Ближе к гостинице под навесом лежала стопка досок. Где-то капала вода громко и размеренно, как из незакрытого крана.

Она легла, оставив лампу включённой. Через стену больше ничего не было слышно, и её собственные движения стали отчётливее: шорох простыней, дыхание, стук часов, когда она подносила руку к лицу.

Вера вспомнила, как Лев посмотрел на неё, когда женский голос взял ноту. Не так, как будто она помешала ему работать. Казалось, он ждал, что она продолжит фразу. Эта мысль согрела её, но тут же вызвала досаду. Она приехала разбираться с записью пропавшей женщины, а не с тем, как на неё смотрит мужчина за дверью соседнего номера.

Она выключила лампу.

Утром свет из окна был серо-ровным. Пальто на батарее высохло не до конца — подкладка всё ещё была влажной. В коридоре пахло поджаренным хлебом. Вера оделась, сунула блокнот в сумку и вышла.

Лев стоял у лестницы с двумя чашками на блюдах. Он был в той же рубашке, что и вчера, только теперь она была застёгнута доверху. Вид у него был такой, будто он тоже мало спал.

— Анна Петровна налила кофе, — сказал он. — Он быстро остывает.

Вера взяла чашку. Кофе оказался слабым, горячим и очень сладким.

— Спасибо. Давно встал?

— Около двадцати минут назад.

Они сели на низкую скамью у окна. На улице кто-то ехал на велосипеде по мокрой дороге; колёса шуршали по песку. Вера наблюдала за ним, пока он не скрылся за углом. Хотелось начать с ночного голоса, но сначала нужно было разобраться с чем-то попроще.

— Я думала о мелодии, — сказала Вера. — Она была сыграна на клавишах? Или что-то электронное?

Лев поставил чашку на подоконник и посмотрел на Веру так, будто не услышал её.

— На каких клавишах?

— Ночью. Через стену. У тебя был маленький синтезатор?

Он замолчал. Внизу хлопнула входная дверь, потом раздались шаги хозяйки и звяканье чашек.

— Вера, — сказал Лев, — я не приносил инструмент.

Глава 3. Помехи

На следующий день они начали с описи.

Вера предложила её ещё за завтраком. Анна Петровна поставила на стол две тарелки каши, блюдо с яблочным вареньем и ушла на кухню, оставив дверь приоткрытой. За окном гостиницы моросило. Вода стекала по стеклу редкими кривыми дорожками, хотя дождь шёл уже несколько часов.

Лев сидел напротив и крутил ложку между пальцами.

— Если мы собираемся тут что-то понять, надо хотя бы знать, что тут есть, — сказала Вера.

— В театре?

— В аппаратной, в студиях. И что к чему подключено.

Лев посмотрел на неё поверх чашки.

— Четвёртую не трогать.

— Я и не сказала про четвёртую.

— Поэтому и говорю.

Она хотела ответить, что он ведёт себя как человек, который сам не уверен в прочности замка. Не ответила. После вчерашнего разговора им обоим и без того было трудно смотреть друг на друга.

В радиотеатре пахло мокрыми пальто, старой краской и тёплой пылью — и едва заметно гарью, как будто где-то за стеной тлела тряпка. Тепла здесь, впрочем, почти не было. Лев включил свет в коридоре; одна из ламп загорелась сразу, другая помигала и осталась тусклой. Вера достала блокнот, поставила дату. Ручка на холоде писала плохо, первые две буквы пришлось обвести.

— Начнём с аппаратной, — сказала она.

— Как скажешь.

Комната была узкая, с высоким окном, выходившим на задний двор. Под окном стояли два катушечных магнитофона. У одного не хватало прижимного ролика, зато крышка была на месте; у другого крышка давно потерялась, и серые шкивы торчали открыто. За пультом громоздились стойка усилителей, два монитора в деревянных корпусах и коробка с разнокалиберными соединителями. На стене, возле двери, висел металлический рупор под толстым слоем белой краски.

Прежде чем открыть первую коробку, Лев достал с полки плёнку Ады. На ней были записаны оркестр и замечания режиссёра. Вокала не было — так значилось на этикетке.

Когда Вера снова прослушала запись, в наушниках раздался тихий голос Ады. Она пела почти без дыхания и между фразами звала Льва по имени. Вера успела услышать и своё имя — сказанное так, будто Ада её предупреждала. Лев выхватил наушники из её рук.

— Что там? — спросила Вера.

— Ничего. Обрыв.

— Там была песня. И она звала тебя. Потом — моё имя.

Лев молчал, держа наушники в кулаке. Потом признался, что когда-то был влюблён в Аду. Почему её голос нельзя слушать, он так и не сказал.

Вера записывала предмет за предметом. Состояние, серийный номер, если удавалось разобрать, недостающие детали. К полудню у них уже было три исписанных страницы.

— «Соединители», — продиктовал Лев, сидя на корточках перед коробкой. — Пять штекеров больших. Два целых, один без корпуса, два сомнительных.

— «Сомнительных» в описи нет.

— Напиши «требуют проверки». Но если их куда-нибудь воткнуть, я бы отошёл.

Он подал ей штекер. Вера потянулась за ним, и их пальцы встретились над коробкой. На большом пальце Льва была тонкая чёрная полоска от окислившегося контакта. Вера заметила её раньше, чем успела убрать руку.

Штекер упал обратно.

Монитор за их спинами коротко хрипнул.

Они оба обернулись.

— Он выключен, — сказала Вера.

Лев встал и проверил тумблер.

— Усилитель включён. Монитор мог поймать наводку.

— От чего?

— От плохого кабеля. От проводки. Тут полстены из проводов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.